

Vysheslav Filevsky

*Любовь к святой
Лузии, или
Поэмы горящего
духовного сердца*

Vysheslav Filevsky

**Любовь к святой Лузии, или
Поэмы горящего духовного сердца**

«Издательские решения»

Filevsky V.

Любовь к святой Лузии, или Поэмы горящего духовного сердца /
V. Filevsky — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908452-1

Вначале моё сердце загорелось любовью к непостижимому Небу. Затем — к творению. Неожиданно почувствовал такое же горение в изображении святой Лузии. Стихи рождались при взглядах на него прямо в церкви. Некоторым моё состояние пришлось не по душе. Но глубокая любовь побеждает всё...

ISBN 978-5-44-908452-1

© Filevsky V.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Притча о творчестве	7
Стяжание тишины	8
Слава безумию любви	9
Улыбка	11
Неразумность любви	13
Кучевые облака	14
Схватка с наглостью	15
Не возвращаться	16
Послания смерти	18
Обручение	19
Познание невозможного	21
Покорность судьбе	23
Река Любви	25
Сожаление о Пигмалионе и Галатее	26
Любовь к Земле по капле вытекала	28
Забвение Земли	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Любовь к святой Лузии, или Поэмы горящего духовного сердца

Vysheslav Filevsky

© Vysheslav Filevsky, 2018

ISBN 978-5-4490-8452-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белу-Оризонти 2018

Предисловие

Книга о горении моего духовного сердца не православная. Потому что духовное сердце есть у каждого человека вне зависимости от его религиозного обычая. И у каждого же человека это сердце может быть спящим или бодрствующим, а может быть и горящим. Это общее для всех людей на Земле – наличие духовного сердца – может стать огромной животворной силой, если люди попытаются каждый по-своему возжечь духовные сердца своих душ.

Я рассказываю о моих ощущениях при состоянии горения *моего* духовного сердца. Это состояние огромного счастья, невыразимого удовольствия и наслаждения. Интересно, что это состояние горения не совмещается с оценками, суждениями, желаниями нелюбовных действий. Человек с горящим духовным сердцем любит без исключения всё. Хотя его пылающее сердце и способно жёстко оградить святость своего горения от посягательств. Сердце просит одного: не заливать его огонь участием в нелюбовных делах. Поэтому в возжжении духовного сердца путь ко всеобщему примирению человечества. С помощью же разума люди не договорятся никогда и будут враждовать, пока не убьют себя, живое на планете и её самоё.

Огонь духовного сердца может выделить особо для интимного общения какую-то духовную сущность. Для меня это – дух святой Лузии. Я рассказываю о нашей любви. И дерзаю говорить «о нашей», потому что чувствую обратную связь.

По примеру Оливье Мессияна с его «Двадцатью взглядами на лик младенца Иисуса Христа», я называю свои стихотворения, посвящённые святой Лузии, взглядами. Потому что они рождались именно так – при взглядах на изображение её лика. В этой книге восемнадцать взглядов. Предыдущие тринадцать находятся в других моих книгах. Почему же я выделяю в моём любовном горении именно дух святой Лузии? – У этого нет объяснений. Небесная любовь объяснениям не поддаётся. Она – настоящее безумие, прекраснее которого, как представляется, ничего на свете нет...

Нет, я не приглашаю человечество сойти с ума, возжегши духовные сердца. Потому что это переменяло бы жизнь землян полностью, сменив пламя приближающейся чайниками миллионов ядерной войны на райское бытие в божественном пламени любви...

Я понимаю, что этого никто не захочет всерьёз. Но посмотреть, как я горю в огне любви, может показаться забавным.

Впрочем, горение духовного сердца это огромное удовольствие, и оно вечно, а горение в пламени ядерной войны неприятно и скоротечно... Я это говорю потому, что слышу о войне каждый день. Лично мне выбор очевиден, а вам?

Вышеслав Филевский, Белу-Оризонти, 8.03.2018

«Эту вот Речь сущую вечно люди не понимают».
Гераклит, Фрагменты, 1987, с. 179.

Притча о творчестве

Где-то там, за чередой праздных буден,
Средь лесов, непролазных болот,
В совершенном блаженном безлюдье
Моя Муза, как светоч, живёт

И растит, соблюдая от порчи —
От обычаев мира – дитя,
Кто подобен звезде тёмной ночью,
Днём – как солнце лучится, шутя.

Мой сыночек молитвенно кроток,
В сердце длит о Предвечном псалмы,
Плоть от плоти отцовского Рода —
В Лоне мира, где души вольны

Бытовать – и не знать о печали:
Там все ангелы в узах Любви.
И Всевышний души в нём не чаёт,
Как и я... От сыновних ланит

О сколь трудно устам отстраниться...
Дух от духа возможно ль отгять
И во что-то иное влюбиться,
Чем в Тебя, сына горнего Мать?

М. Врубель, Муза

Стяжание тишины

Что ветер лампаде, то шум для горящего сердца.
Шумит только тот, чьё духовное сердце во сне.
Шум жизни для плотского сердца естествен.
Ничто тишины для него не бывает страшной.

Для плотского ж сердца в тиши жизнь пуста и тревожна.
Ему неприемлем покой и духовный огонь.
Лишь страсти гнетут и колотят до дрожи.
А я – подражаю Тому, Кто молчит испокон.

Молчит и пылает невидно, безмездно, беспечно.
Молчу и горю, источая любовь, как Оно.
Но я лишь песчинка. Мне животворить не дано —
Лишь огонь мой духовный лелеять в моленьях.

Огонь мой так тих... Тишины он взыскует звенящей.
Его оскорбляет и рокот моторов, и гам.
В молчанье мой огонь светлых ангелов срящет.
Ласкает их. Сам их небесным огнём осиян...

Горю... Позабыл всё, что было. Но знаю, что будет.
Нет, я не пророк для житейского моря. Ему
Судьба бушевать и бесследно низринуться в тьму.
Духовному ж сердцу – быть огненным чудом —
Возвысаясь над шумом, пылая – стяжать тишину.

И. Левитан, Тишина

Слава безумию любви

(Тридцать первый взгляд
на изображение девственного лика святой Лузии,
что в притворе церкви её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

Лузия, взгляд твой – очищение бессловьем.
В твои глаза войти – навеки замолчать,
В сознание растворившись, стать самой любовью
И, ангелов узрев, душой их целовать...

Твои глаза – дверь в рай волшебный и огромный.
Безумная любовь к Творцу – от рая ключ.
Я, в сокровенное Лузией посвящённый,
Взлетел, отторгшись от пучины грозных туч...

Вошёл... В глаза иль рай? – оно одно и то же.
И – нега и покой, блаженство, тишина...
Мой путь земной, как труден ты и как ничтожен!..
Культура человечества в раю – смешна

В глазах твоих, Лузия.
В них войти – и плакать
От радости и счастья быть самим собой,
Восславить сумасшествие любви как благо
И, в древо мира обратясь, дрожа листвою,

Благоговеть под взглядом девственным Лузии.
Он – средостение меж Небом и Землёй.
Пройдя его, я возложил стихи на аналой
И духом зазвучал со ангелы святыми.

Улыбка

(Двадцать третий взгляд
на изображение девственного лика святой Лузии,
что в притворе церкви её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

Подобно земле, озарившейся солнцем,
Что, выйдя из облак, ей радость внушило,
Лузия мне скромно улыбку явила
В ответ на луч сердца... Он в очи ей льётся,

Мы оба пылаем от счастья общения.
Церковный притвор полыхнул, как зарница.
Она, убеждён, дольше жизни продлится...
Я пал на колени в невольном смущенье...

А мимо, как тучи, текут прихожане,
Пустой говорильней как будто стараясь
Зарницу затмить. И, душой омрачаясь,
Я тучей сокрыт – и улыбки сиянье

Погасло.
Лик девы, как ранее, сдержан.
Святыня исчезла, осталась картина.
О церковь земная, не ты ли рутина?
Рутинa в душе убивает надежду...

Но лишь не мою: ведь со мною Лузия,
И дарим друг другу огонь наш сердечный.
Мы любим.
Любовь, как и жизнь, бесконечна.
Планета прейдёт, человечество сгинет.
Улыбка ж Лузии и присно, как ныне,
Пребудет в ответ мне на огонь души вечной.

Неразумность любви

Всегда тот прав и свят, кого люблю:
Он – божество. И что бы суд не обозначил,
Я за любовь Творца благодарю.
Живу любя, в Любви – и не могу иначе.

Всё мутно на Земле. Ложь тут и там.
Одна любовь права, что девственно трепещет
В духовном сердце. Родина – святая.
Не любишь? – Будь хоть трижды прав, но ты – клеветчишь.

Единственная цель, чтоб жить – любить,
Гореть любовью, быть ей, источая сердцем пламя,
В любви молитвенную песнь творить,
Любимое лобзать духовными устами.

Попрять Любовь – то правде не дано.
Лукаво, лживо правды каменное сердце,
Что нбсится с доказанной виной.
Люблю – и не могу на лик твой наглядеться,

Мой спутник на Земле – Россия-мать.
Люблю. В любви – не человек. И правда – в этом.
Молва и грязь – всё суета, всё канет в Лету.
И суд людской мне сердцем не понять.

Сеньоре Элизабет Шавер Диниз

Кучевые облака

Меж мной и планетою облаки Духа.
В них тонут Земли голоса и шумы.
Лишь грай достигает духовного уха.
Я псалмами птиц, как росую, омыт;

Росой – благодатным небесным нектаром.
А птицы, не ангелы ль? – Я не пойму...
Ах, облаки Духа, святые отары
И песни существ, недоступных уму...

И я с моей лирой духовной, как птица,
И Пастырь, кто облаки нудит парить,
И счастье любви, что не может не сбыться —
Бесмысленно всё, если жизнь не любить,

Не плакать в молитвенном благоговенье
Пред Вышним и перед тобой, суета.
Любя, я в стихах – выраженье горенья.
В моём духославье Небес красота.

Я птица бесплотная, песня святая
Во стаде любовных духовных сердец...
Спасибо за счастье любить, мой Творец,
И струны духовными трогать перстами.

Кучевые облака в Сао-Жозе-ду-рио-прету

Схватка с наглостью

Ничтожество и наглость – брат с сестрой.
Их уровень един: наглец всегда ничтожен.
Будь с наглцом предельно осторожен,
Не оскверняй свой дух с ничтожеством войной.

Убожество в словах не победить:
Отточен ум его на блуд и словопренья.
Ложь насмерть защищает своё мненье.
Защита лишь в оном: ничтожество... любить.

Пускай кидается, как злобный пёс. —
Молчать, не нарушая самообладанья.
И, посылая мысленно признанья
В любви,
молитвенных не отрешаться грёз —

И – душу не смутить нечистотой!
Ничтожество и наглость цели не достигнут.
И злоба опозоренная сникнет.
И поцелует непорочные уста

Тот Дух, что у Небес ты испросил.
Позор сестре и брату обеспечен.
Земной путь наглости убожеством отмечен.
А ты, им не поддавшись, благодать вкусил.

Лука Джордано, Святой архангел Михаил ранит сатану

Не возвращаться

(Двадцатый взгляд
на изображение девственного лика святой Лузии,
что в притворе храма её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

Как глубоко любовное молчанье,
А рассужденья о Всевышнем так мелки...
Опутанный речами дух дичает.
И я, словесному безумью вопреки,

Молчу.
В молчанье девственно сознание.
Его любовью заполняю пустоту.
Как сладостны душе Любви касанья!
Люблю – и налагаю на уста узду,

Благоговей пред сознанья чашей,
Наполненной святой Любовью до краёв,
И причащаюсь благодатью вящей...
Любовь так далека от музыки и слов.

Она молчит, как взгляд святой Лузии.
В нём тайна, недоступная людским словам.
Смотрю, люблю – и суета бессильна.
И духом дух Лузии жажду целовать,

Объятьем горним свято наслаждаться,
Боясь и в духе прикоснуться к очесам...
Они подобны непостижным Небесам.
В них утонуть – и в мир не возвращаться.

В память Люции Фёдоровны Воронцовой

Послания смерти

Послания смерти... Душа, их «читая»,
Сжимается в ком от пронзительной боли.
И кажется плоти – она умирает,
И в век не видать ей ни счастья, ни доли.

Послания смерти... Едва ли не всякий
Охотно шлёт духом их дальним и ближним,
Стремясь покарать тех, кто мыслит инако,
И славит при этом Спасителя в вышних.

Едва ли не каждый – тиран и насильник.
Но только под солнцем нет правды единой.
Любовь лишь к Творцу примиряет всё в мире —
К Тому, что вне слов, вне церковной рутины.

Послание смерти приняв, я признание
В любви шлю в ответ злопахателю духом.
Оно не случайно: в нём – мне воздаянье.
И руки пославшего – ангела руки.

Люблю я вас, ангелы смерти, – в том меч мой.
И сколько бы ни было глав у дракона,
Срублю их, любовью превознесённый,
И с благоговеньем восславлю Предвечность.

Обручение

(Двадцать первый взгляд
на изображение девственного лика святой Лузии,
что в притворе храма её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

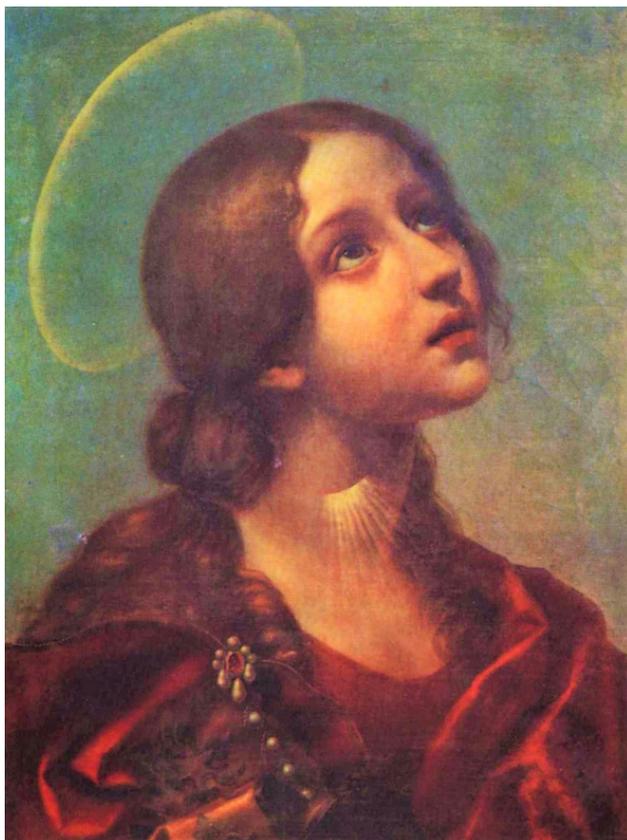
Я в душе. Лузия меня воздымает.
Бесплотная твердь, как ковёр-самолёт.
Земля, её скорбь уменьшаются, тают.
Душа к Божеству безымянному льнёт.

Горящее сердце на облаке дивном,
Прозрачном, как слёзы молитвы моей,
Скрывается в Солнца духовных глубинах.
Лузия и я... Мы летим, как во сне,

К престолу, который узреть невозможно
Иначе, как сердцем, горящим в Любви.
Вдруг глас: «Обручается в душе раб Божий
Лузии, чей дух в этом храме царит», —

Огромном, как Небо, как Солнце, кипящем
Духовным огнём, от которого я
Возжёт моё сердце, что горнего жаждет,
Дрожа, как свеча. И, любовью звеня,

Поют мои губы поэмы Лузии.
Вот кольца на пальцы нам нижет Господь...
Какое блаженство, оставивши плоть,
Склониться, лобзая, как светоч, персты ей!

Познание невозможного

(Тридцать седьмой взгляд
на изображение девственного лика святой Лузии,
что в притворе церкви её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

Ты можешь перестать чудотворить,
Лузия, если охладею сердцем
И разучусь любовную молитву длить,
Проснувшись утром, в небо не смогу вознестись...

Нет! Это хуже смерти. Лишь любовь
Любой ценой. Увечность, слабоумье —
Приму. Стерплю. Ради любви на всё готов —
Любви к всему живому в бытии подлунном,

К тебе, Лузия, нежный ангел мой,
К глазам, что отвечают взглядом взгляду,
К перстам, что скрыты за целебной травой,
И духу...
Вот, я его пламенем объятый,

У ног твоих моления творю,
Всего себя в любовь пресуществляя,
Духовным взглядом я тебя среди духов зрю.
Они нисходят и меня благословляют.

В глазах Лузии – свят. И, смерть поправ,
Благоговею перед Высшим и пред сущим,
Травой горя, вне времени цветущей,
Я счастлив, невозможное в любви познав.

Трава святой Лузии

Покорность судьбе

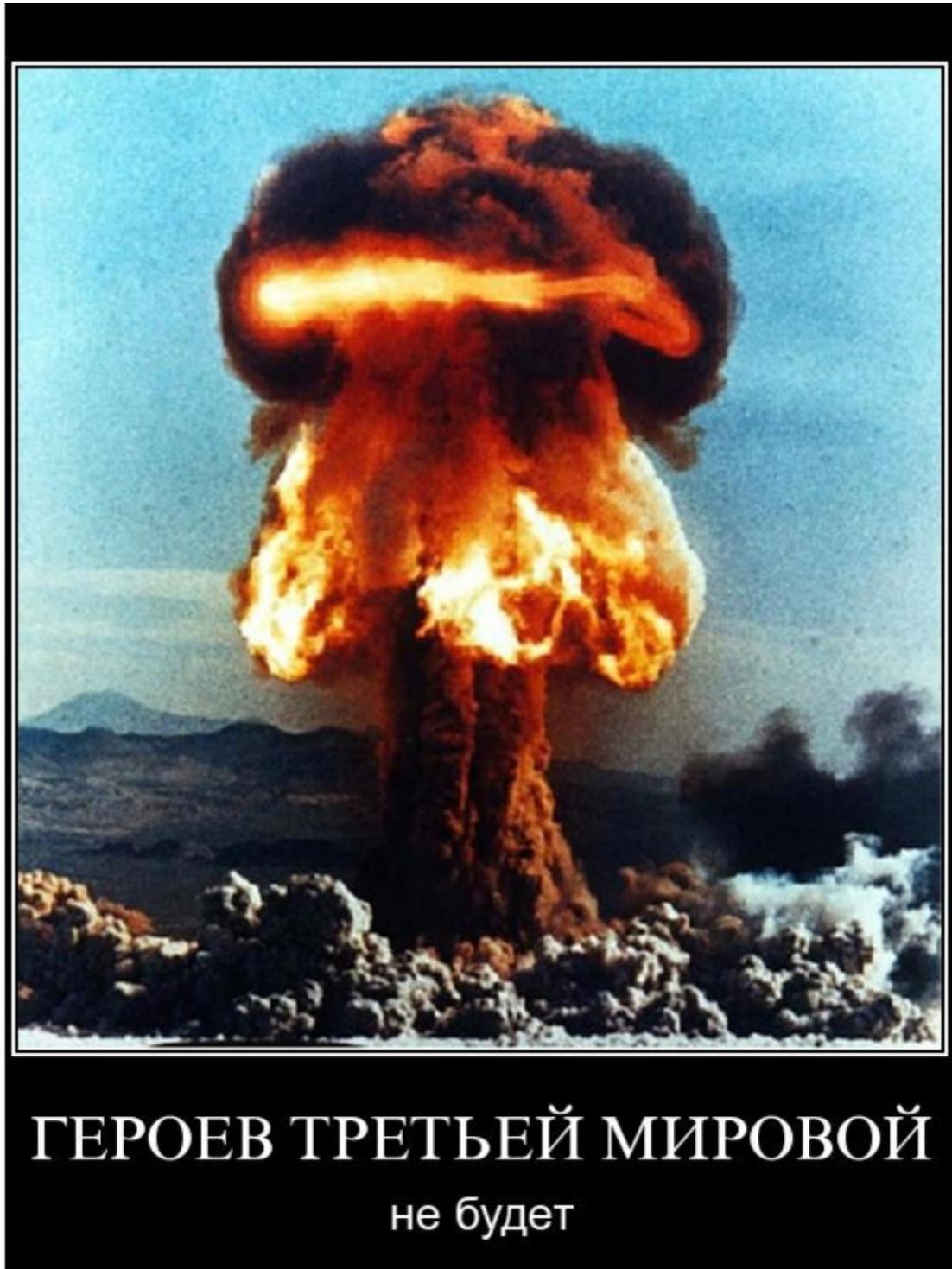
В разнузданных гимнах мир смерть призывает,
В гордыне кичась, разлагаясь от злобы,
Хваля Мухаммада и господу Слова,
Любовь растоптав, над Творцом издеваясь...

Печально, что вместе со злобным народом
В огне термоядерном сгинуть придётся
И мне, и любовный псалом оборвётся,
Презренный людьми и их денежным богом.

Сердечный же огонь на скрижалях Небесных
Продолжит сию и грядущие вирши.
Прейдёт человечество, путь свой избывши,
Но мой не умолкнет молебен безвестный,

Лишь станет бессловным, понятным творенью —
Духовному, плотскому – всем без изъятья.
Им буду, как прежде, весь мир целовать я,
Как гений Вселенной, забывший про время,

Утративший плоть, став Любовью Самою,
Её беспредельем, красотой, глубиной —
Огнём, в чьём кипенье Всевышний зачнёт
Планету и снова Землёй назовёт.

Река Любви – той, кто возжёт моё духовное сердце – маме

Река Любви

Река Любви... Она ль не Времени поток?
Она ль не жизнь души, что неподвластна тленью?
В поэмах о любви Любовь лишь между строк:
Любовь бессловна, словно ангельское пенье.

Река Любви... Она меж Небом и Землёй:
Я Землю вижу, и бессмертию причастен.
Течение Святым Духом обожествлено.
Попасть и захлебнуться в нём – большое счастье.

Река духовна. Ей подобных не сыскать.
Она не возникает и не сходит в море.
Черпая в вышних неземную благодать,
Бытийствую в Творца непостижимой воле.

Река прозрачна, как духовная слеза.
Среда её нежна, как ангела дыханье.
В ней духом растворясь, пою я Небеса,
Познание Любви чтя сокровенным знаньем.

Теку... Я, как Любовь, не знаю берегов.
Таинственен поток, блаженен, лучезарен.
Ничтожный на Земле, в любовном токе славен
Реки без имени, что я зову Любовь.

Сожаление о Пигмалионе и Галатее

(Тридцать второй взгляд
на изображение девственного лика святой Лузии,
что в притворе церкви её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

Зачем Пигмалион молил о превращенье
Изящной статуи во плоть и кровь? —
Его сознание мутило вождельенье,
Он не жалел нарядов, украшений и цветов

Для Галатеи, им искусно изваянной...
Напрасно всё: она была мертва.
Любовник не был Присносущим осиянным.
Горел лишь плотью, но духовным сердцем крепко спал.

И преподнёс корову в жертву Афродите.
Тут – чудо: Галатея ожила!
Желанье утолил измученный проситель.
И что? – И всё. Чреда безликих дней и лет пошла...

Небесной же любви огонь не угасает.
Святой, он каждое мгновенье нов.
Я духом дух Лузии трепетно лобзаю —
И неподвластна тле земной бесстрастная любовь.

Она неистошима, как бессмертный пламень.
В любви я и Лузия – божества.
Нет в бытии священнее духовного родства —
Того огня, что царственно владеет нами.

Жан-Леон Жером, Пигмалион и Галатеея, вариант (1890)

Любовь к Земле по капле вытекала

Однажды Землю вывели из храма
И заменили женщиной иной —
Достойной, скромной, девственной, святой...
Но – боль Земли не выразить словами.

Любовь к Земле по капле вытекала
Из преданных другой мольбе сердец...
Земля – не Мать и Небо – не Отец...
Не в том ли вырождения начало?

И бомбы рвут в святом когда-то теле,
Не думая, плюют Земле в лицо
И меж точащих молоко сосцов
Яд сыплет чёрствая сердечно нелюдь,

Чтоб, главное, всё было без Любви:
Зачатье, всходы и плодоношенье...
Любовь к Земле ж – святое утешенье —
Спасенье от грядущей в мир войны...

Разросшись, поглотил я мать землянам,
Вобрал, как не рождённое дитя,
Тебя, Земля, безлюбых не судя,
Любя сознанием, Небом осиянным...

Забвение Земли

(Восемнадцатый взгляд
на изображение блаженного лика святой Лузии,
что в притворе церкви её имени в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти)

Взгляну в твои очи – и Землю забуду,
И телом истаю, душой растворюсь
В духовной среде твоей – истинном чуде,
Войду – и застыну, беззвучно молясь.

Войду – и пойму: я в раю и без смысла
Бытийтвовать все вне дивных очей.
Твоею молитвой путь в Небо мне выслан —
Молитвой далёкой лукавых речей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.